

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ АРХИЕПИСКОПА СЕРГИЯ (ЛАРИНА)

Воспоминания епископа Василия (Родзянко) и М. Е. Губонина

В данной публикации содержатся воспоминания епископа Василия (Родзянко) и церковного историка М. Е. Губонина, посвященные архиепископу Сергию (Ларину). Личность архиепископа Сергия (Ларина) пока еще не стала предметом отдельного исследования, хотя и заслуживает определенного внимания. Будучи неоднозначной фигурой, иерарх, тем не менее, был ярким человеком, чья жизнь была связана и с красным обновленчеством, и с епархиальным служением в годы коммунистического безбожия, и с трудами на поприще церковной дипломатии.

Ниже публикуются воспоминания об архиепископе Сергии (Ларине) епископа Василия (Родзянко) и Михаила Ефимовича Губонина.

Мемуары епископа Василия — расшифровка аудиозаписи, сделанной в конце 1980-х гг. для Светланы Немовой, которая была духовной дочерью архиепископа Сергия (Ларина). Аудиозапись в настоящее время находится в Архиве Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

Воспоминания владыки Василия отличает теплый тон. Знакомство иерархов состоялось при довольно невыгодных для епископа Сергия обстоятельствах, что не помешало епископу Василию впоследствии отзываться о нем с большой симпатией. Однако следует при этом учитывать, что воспоминания диктовались владыкой для духовной дочери архиепископа Сергия. Это изначально лишало епископа Василия возможности давать критическую оценку поступкам архиепископа Сергия. Рассказывая о нем, епископ Василий старался обходить спорные вопросы и высказываться как можно мягче. Более того, порой в воспоминаниях звучат явно некритичные и чрезмерно хвалебные отзывы об архиепископе Сергии, от которых епископ Василий в другой обстановке постарался бы воздержаться.

Воспоминания носят фрагментарный характер, что неудивительно — архипастырь встречался с архиепископом Сергием всего несколько раз в жизни, причем между встречами проходило немало времени.

В тексте воспоминаний есть неточности, которые вполне можно объяснить преклонным возрастом епископа Василия. Они отмечены в примечаниях.

Не менее интересны и воспоминания об архиепископе Сергии М. Е. Губонина, которые включены в его еще не изданную часть рукописи «Современники о Патриархе Тихоне» как отдельный комментарий к основным воспоминаниям. Михаил Ефимович был лично знаком с иерархом и как честный историк не имел оснований скрывать сомнительные черты характера иерарха. Этот материал интересен и тем, что впервые дается образ иерарха, вернувшегося из обновленческого раскола.

Сопоставление мемуаров епископа Василия и М. Е. Губонина дает все основания считать, что воспоминания последнего намного более объективны и глубже характеризуют епископа Сергия и как архипастыря, и как личность. В отличие от епископа Василия (Родзянко), чьи немногочисленные встречи с архиепископом Сергием проходили в условиях зарубежных командировок, М. Е. Губонин имел возможность близко общаться с владыкой на протяжении довольно долгого времени. Поэтому для понимания характера архиепископа Сергия мемуары М. Е. Губонина имеют большее значение. С другой стороны, свидетельства епископа Василия о действиях епископа Сергия в Югославии в конце Второй мировой войны дают хорошее представление о влиянии и возможностях этого иерарха.

Для удобства публикуемые мемуары предваряет краткая справка об архиепископе Сергии.

Редакция журнала благодарит за помощь в подготовке комментариев к данной публикации доктора исторических наук В. И. Косика (Институт славяноведения РАН), а также кандидата богословия В. В. Бурегу (Киевская духовная академия).

А. А. Кострюков, Н. А. Кривошеева

Архиепископ Сергий (Ларин)

Сергий (Сергей Иванович Ларин, 11.03.1908, Санкт-Петербург — 12.09.1967, пос. Мамонтовка Московской обл.), архиепископ. Обучался в 5-й Петроградской гимназии (37-й советской школе второй ступени). В 1923–1943 гг. пребывал в обновленческом расколе. С 1923 г. прислуживал в обновленческих храмах Петрограда. В 1926 г. «рукоположен» в сан «диакона». В 1930 г. окончил Ленинградский обновленческий Богословский институт, одновременно прослушал курс лекций в исторической лектории при историко-филологическом факультете Ленинградского университета. В 1930 г. «рукоположен» во «иерея». В 1933 г., после развода с женой, пострижен в монашество с оставлением мирского имени. Служил в Тихвинском обновленческом монастыре под Ленинградом. С 1933 г. член и секретарь Тихвинского викариального обновленческого управления. В 1933 г. арестован и приговорен к трем годам заключения в лагере условно. В 1934 г. настоятель Петропавловской единоверческой обновленческой церкви на Волховстрое. С 1935 г. настоятель Петропавловской обновленческой церкви в Ленинграде. Арестован в 1935 г. и приговорен к двум годам заключения в лагере. Наказание отбывал в Дмитровлаге до 1937 г. После осво-

бождения служил в Московской обновленческой церкви прп. Пимена Великого. С 1938 г. настоятель Воскресенского храма в Сокольниках, благочинный обновленческих церквей Москвы. 10.11.1941 «хиротонисан» в обновленческого «епископа Звенигородского, викария Московской епархии». В годы войны временно управляющий Московской обновленческой епархией. 05.05.1943 переведен в Ташкентскую обновленческую епархию, обновленческий «епископ Ташкентский и Среднеазиатский». 27.12.1943 принес покаяние и принят в лоно Русской Православной Церкви как простой монах. Рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Служил 3-м священником Загорской Ильинской церкви. 15.08.1944 хиротонисан во епископа Кировоградского, викария Одесской епархии. В 1945 г. временно управляющий Одесской епархией, епископ Одесский и Кировоградский. 1946–30.10.1947 епископ Херсонский и Одесский. 30.10.1947–24.02.1948 епископ Ростовский и Таганрогский. 24.02.1948–19.10.1949 епископ Ростовский и Новочеркасский. С 19.10.1949–1950 гг. епископ Житомирский и Овручский. 17.03.1950–01.02.1951 епископ Гродненский и Брестский. В 1951 г. уволен на покой согласно прошению. 01.04.1952–09.02.1954 епископ Тульский и Белевский. 09.02.1954–27.07.1959 епископ Астраханский и Сталинградский. 27.07.1959–03.04.1961 епископ Омский и Тюменский. 30.03.1961 удостоен степени кандидата богословия за работу об обновленческом расколе. 03.04.1961 возведен в сан архиепископа. 03.04.1961–10.10.1962 архиепископ Пермский и Соликамский. 10.10.1962–20.05.1964 архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Экзарх Средней Европы. 13.10.1962 удостоен степени магистра богословия за работу об обновленческом расколе. 20.05.1964–12.09.1967 архиепископ Ярославский и Ростовский. 25.05.1965–15.06.1965 временно управляющий Вологодской епархией.

Н. А. Кривошеева

Епископ Василий (Родзянко)

Встречи с епископом Сергием (Лариным)

В первый раз мы встретились с епископом Сергием в 1945 году, когда владыка прибыл в Белград из Москвы во главе делегации Русской Православной Церкви, которая приехала с братским визитом в Сербскую Православную Церковь. Это была первая такая встреча и первый такой визит со времени русской революции. После революции было вообще невозможно никому от имени Русской Православной Церкви ездить за границу. Это продолжалось вплоть до 1943 года, когда в результате войны и борьбы за освобождение русской земли от врага для советского правительства оказалось необходимым принять помощь Русской Церкви и таким образом дать ей хоть какую-то относительную свободу, которая перед войной была от нее почти совсем отнята.

Цель посещения русской церковной делегации была двоякая. С одной стороны, нужно было установить прерванные нормальные взаимоотношения между Церквями и устранить некоторые канонические проблемы, решить их, а с дру-

гой стороны, оказать помощь Сербской Церкви, которая впервые встретила с проблемой преследования со стороны местных коммунистов.

Парадоксально, но именно у России в это время появилась возможность помочь тем, кто оказался в трудном положении. Именно владыка Сергей был избран в качестве делегата, потому что он в то время был достаточно молодым, достаточно сильным и способным дипломатом. В то же самое время он был глубоко верующим и убежденным епископом Православной Церкви, стремившимся сделать все, чтобы поддержать верующих и помочь Церкви. Он в это время был, очень короткое время, епископом Одесским¹. Он был назначен на Одесскую кафедру сразу после войны, когда Одесса оказалась снова частью России после румынской оккупации. Румыны, как известно, были во время войны союзниками Германии, хотя со своей стороны они старались сделать все, чтобы помочь православному населению той части России, которую они оккупировали. Таким образом, в Одессе, в которой перед войной почти не было церквей (почти все было закрыто или уничтожено и не было никакой возможности вести церковную жизнь), румыны открыли 15 церквей. В Одессе находился довольно известный румынский архимандрит Юлий (Скрибан)², который говорил по-русски и который начал вести церковную миссию в Одессе. Казалось, что эта миссия становится очень успешной, но вся беда для Церкви в данном случае была в том, что Румыния была на другой стороне.

Когда война подошла к своему концу и румыны были изгнаны из Одессы, то церкви, ими открытые, остались. Верующие люди совсем не собирались их закрывать, и советские власти, пришедшие снова в Одессу и Бессарабию, понимали, что они не могут это сразу сделать и, во всяком случае, в те годы, ни одна церковь не была закрыта. Надо было как-то переключить данную ситуацию на новую жизнь уже при советских условиях. И вот для того, чтобы это провести, был избран именно владыка Сергей, как считалось, очень умелый человек для такого рода дел. По сведениям, которые у меня были, он действительно достиг огромного успеха и в настоящее время не без его тогдашней помощи сейчас церковная жизнь в Одессе довольно хорошо установлена. Помимо церквей там находится сейчас монастырь и одна из семинарий — богословская школа для воспитания и образования молодого духовенства. Там же находится и летняя резиденция Патриарха. Одним словом, можно сказать, что сейчас церковная жизнь в Одессе более нормальна, чем когда бы то ни было до войны и вообще за всю историю советской России.

Итак, владыка Сергей, прилетев в Белград, сразу же направился с аэродрома вместе со своей делегацией, которая состояла из двух священников и одного мирянина, а именно инспектора Ленинградской духовной академии Льва Ни-

¹ На самом деле во время первого визита в Югославию епископ Сергей был епископом Кировоградским, викарием Одесской епархии и временно управляющим этой епархией.

² Юлий (Скрибан), архимандрит (31.05.1878, Галац — 4.01.1949, Бухарест) — румынский богослов. Пострижен в монашество в 1904 г., архимандрит с 1906 г. Участвовал в ряде международных конференций. В 1923 г. принимал участие в константинопольском «Все православном конгрессе». Профессор гомилетики и пастырского богословия. В 1941–1942 гг. возглавлял румынскую православную миссию в Одессе.

колаевича Парийского³, очень интересного человека, довольно образованного и очень умного, который был помощником владыки Сергия в его задаче в Югославии.

Я с ними со всеми познакомился, и это было очень интересно. Нас, как русских по происхождению, оповестили об этом визите. Многие из нас приехали специально, чтобы встретиться и повидаться. Кроме того, нам было предложено приехать и для того, чтобы установить контакт с Русской Православной Церковью, как нашей Матерью-Церковью. Я помню, что, приехав в Белград, я сразу пошел в Патриархию. Я попал в тот самый момент, когда владыка Сергей прибыл и стоял у входа в Патриархию⁴. Его встречали в это время сербские иерархи и духовенство, а он прямо тут, на ступенях входа в Патриархию, говорил им ответственную речь.

Это было очень интересно для нас, это было очень сильное переживание, потому что впервые в жизни мы увидели русского архиерея, который провел свои молодые годы под сталинским нажимом на Церковь, который сохранился несмотря ни на что и оказался теперь после войны в очень влиятельном положении.

Сразу после своего приезда и встречи с сербскими иерархами владыка Сергей сказал, что им необходимо теперь вернуть назад Русской Православной Церкви храм, который находился в Белграде и который был в свое время центром Русской Православной Церкви за границей⁵. Этот храм был своего рода кафедральным собором главы Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого), который был в несогласии с Московской Патриархией по политическим и церковно-политическим причинам⁶.

Но теперь оказалось так, что преемник его, митрополит Анастасий⁷ вместе с огромной частью его паствы и духовенства уехал из Югославии⁸, не дожидаясь освободительной советской армии, и обосновался сначала в Вене, а потом в

³ Здесь епископ Василий путает визит в делегации РПЦ в 1945 г. и визит делегации РПЦ в 1946 г. В 1945 г. в состав делегации входили благочинный первого округа г. Москвы настоятель Знаменской церкви протоиерей Стефан Марков, настоятель Петропавловской церкви протоиерей Димитрий Цветков, проректор Богословского института профессор С.В. Савинский, иеромонах Казанской церкви в Коломенском Симеон (Никитин) (см.: *Савинский С.* Пятнадцать дней в Югославии // ЖМП. 1945. № 6. С. 18). Сотрудник Патриархии Л. Парийский посетил Югославию вместе с епископом Сергием во время второго визита, в 1946 г.

⁴ Епископ Сергей (Ларин) прибыл в Белград 8 апреля 1945 г.

⁵ Храм Святой Троицы в Белграде был построен русскими эмигрантами в 1924 г. Освящен митрополитом Антонием (Храповицким) 28 декабря 1924 г. В настоящее время — подворье Московского Патриархата.

⁶ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863—1936), митрополит, первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. Член Священного Собора 1917—1918 гг. Первый из трех кандидатов на Патриарший Престол. С 28.11(11.12).1917 митрополит. С 17(30).05.1918 митрополит Киевский и Галицкий. С 1920 г. в эмиграции. Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. В 1927 г. в ответ на «Декларацию» митрополита Сергия (Страгородского), а также на его требование дать подписку о лояльности большевикам Архиерейский Синод РПЦЗ прекратил общение с митрополитом Сергием, признавая при этом полномочия Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского).

⁷ Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873—1965), митрополит, первоиерарх Русской Зарубежной Церкви в 1936—1964 гг.

⁸ Отъезд митрополита Анастасия (Грибановского) из Белграда состоялся 7 сентября 1944 г.

Германии, в Мюнхене. Таким образом, Церковь осталась как бы на нейтральной почве, но не совсем на нейтральной. Дело в том, что в Югославии оставались многие старые люди, а также те, кто просто не хотел уходить с немцами. Среди тех, кто остался в Югославии, было немало верующих, с ними осталась и некоторая часть духовенства. Митрополит Анастасий передал канонически всех этих священников и церкви, в том числе и белградскую, а также всех верующих Сербской Православной Церкви, как Церкви этой территории. Сербская Православная Церковь приняла их канонически и официально под свою юрисдикцию⁹.

Московская Патриархия не считала поведение Сербской Патриархии правильным. Надо сказать, что Сербский Патриарх в это время находился за границей, он был увезен насильно немцами и заключен в концлагерь Дахау вместе с епископом Николаем (Велимировичем)¹⁰. Патриарх оставался в немецком пленении до самой победы над немцами и после этого сначала переехал в Рим, а потом в Лондон¹¹. Здесь находилось югославское королевское правительство, которое признавалось союзниками. Даже местные югославские коммунисты во главе с Тито признавали это югославское королевское правительство в Лондоне как легальное — ведь иначе они не могли иметь контакта с союзниками. Такова была союзная политика, которая создавала большие трудности для Югославии. В стране действовали различные влияния. С одной стороны, здесь были западные прокоролевские влияния. С другой стороны, были местные партизанские влияния, которые были несомненно просоветскими. В этих столкновениях, особенно в густых лесах и горах, недоступных для обычного человека, происходили схватки, убийства, всякого рода жестокости, в частности, и в отношении русских эмигрантов, которые находились тогда в Югославии. Некоторые из них были тут же схвачены и многие из них расстреляны, в том числе, по-видимому, и пропавший без вести муж моей сестры и целый ряд других людей, лично мне известных и знакомых. Большая группа русских, живших в Банате, полностью была арестована и заключена в концентрационный лагерь и находилась в тяжелом и трудном положении.

⁹ В действительности дело обстояло несколько иначе. Покидая страну, митрополит Анастасий издал указ на имя оставшегося в Югославии русского духовенства. Согласно указу, старейшему клирику, протоиерею Иоанну Сокалю, поручалось управлять русскими приходами в Югославии и возглавлять Епископский совет. Однако русское духовенство в Югославии решило обратиться к Архиерейскому Синоду Сербской Церкви с просьбой принять русские приходы под свое покровительство. 23 ноября 1944 г. Епископский Совет был взят под покровительство Сербской Церковью, но уже 27 ноября 1944 г. данный орган был упразднен решением Священного Синода Сербской Церкви. Русские приходы в Югославии временно, до урегулирования вопроса с Московской Патриархией, переходили под надзор Сербской церковной власти.

¹⁰ Святитель Николай (Велимирович) (1880—1956), архиепископ Охридский и Жичский. Последние годы жизни провел в США. Канонизирован Сербской Православной Церковью. В Русской Церкви память свт. Николая празднуется 20 апреля/3 мая.

¹¹ Патриарх Гавриил (Дождич) (1881—1950) вернулся в Югославию в ноябре 1946 г. По сообщению газеты «Православная Русь», Патриарх Гавриил согласился вернуться в Югославию лишь после обещаний коммунистических властей личной неприкосновенности и после предупреждения, что в случае его отказа в Сербской Церкви будут устроены выборы нового Патриарха (Православная Русь. 1947. № 5. С.16).

И вот в эту обстановку приехал владыка Сергей. Тогда же и состоялась наша встреча. По прибытии в Белград владыка Сергей сразу же сказал, что всем русским священникам, которые хотят быть священниками, находящимся в Югославии, надо покаяться перед своей Матерью-Церковью, то есть Русской Церковью в России, за то, что они оказались в расколе с нею и быть принятыми снова в Православную Церковь из раскола.

Надо сказать, что Сербская Церковь с этим не соглашалась. Она считала, что Русская Зарубежная Церковь была вполне канонической Церковью, поскольку имела благословение сначала от Вселенского Патриарха в Константинополе, а потом от Сербского Патриарха, от которого имела полную поддержку и с которым была в полноценном каноническом и евхаристическом общении. Поэтому для Сербской Церкви было естественно принять всех оставшихся в Югославии в свою юрисдикцию, под свою защиту. Поэтому притязания Московской Патриархии на русских людей, оказавшихся в Сербии и теперь перешедших в Сербскую Церковь, вызывали возмущение. По мнению представителей Сербской Церкви, русских в Югославии нельзя было трогать.

Обстановка была довольно сложная. Но с другой стороны, владыка Сергей отдавал себе отчет, что если он пойдет правильным путем, он может оказать огромную помощь и поддержку не только русским эмигрантам в Югославии, но также и самой Сербской Церкви, которая вступила в эпоху преследований со стороны коммунистов. Было совершенно ясно и очевидно, что эта эпоха только начиналась, как это было в 1920-е годы в России. Возникла явная и серьезная угроза Сербской Православной Церкви, ее верующим, ее бытию.

Я должен сказать, что моя личная позиция была довольно бескомпромиссной. В разговоре со своим духовным отцом, протоиереем Иоанном Сокалем (впоследствии епископом Смоленским Иннокентием)¹², открыто сказал, что я согласен с Сербской Церковью и не считаю возможным и правильным, нравственным и каноничным принести покаяние перед пришедшей теперь впервые Русской Церковью за то, в чем мы фактически не были виноваты. Ведь мы унаследовали наше каноническое положение исторически и, находясь в прежней королевской Югославии, были бессильны что-либо делать в каком бы то ни было направлении.

Мы верили в нашу Церковь, в такую, какой она была. Я был сам венчан в этой Церкви, я вырос в ней, и я был рукоположен во священники митрополитом Анастасием для Сербской Церкви. И поэтому я считал бы, что это было бы кривить душой, если бы я во всем этом приносил сейчас покаяние перед епископом, приехавшим из России для того, чтобы как бы избавиться от какой-то угрозы своего существования, своего бытия.

Мне на это мой духовник сказал: «Ты понимаешь, что ты говоришь? У меня вчера расстреляли моего диакона. Замолчи, что ты говоришь?» Мы в это время

¹² Иннокентий (Сокаль Иван Иванович; 7.01.1883–14.05.1965), епископ. Окончил Киевскую духовную академию, в 1912 г. рукоположен во иерея и командирован в Русскую духовную миссию в Палестину. Затем проживал в Югославии. В 1945 г. перешел в юрисдикцию РПЦ, в 1950 г. выехал в СССР. Был ректором ряда духовных семинарий. В 1959 г. пострижен в монашество и рукоположен во епископа Смоленского и Дорогобужского. В 1964 г. уволен на покой.

шли по одной из главных улиц Белграда по направлению к Патриархии для официальной встречи с владыкой Сергием, и, конечно, нас могли слышать люди. Отец Иоанн был очень испуган моими открытыми и довольно громкими словами. Тогда я ему сказал: «Да, отец Иоанн, но сами-то вы верите в то, что мы действительно должны вот так быть приняты в Церковь, как будто мы в ней не были, как будто все наши таинства и все наше богослужение было недействительным?»

Он мне довольно резко ответил: «Оставь догматику, не до нее сейчас». То есть, другими словами, оставь теоретические рассуждения, когда стоит вопрос жизни и смерти, когда важно правильно избрать путь в сложившихся условиях.

С этим мы пришли в Патриархию, куда в это время приехали многие русские священники из разных мест Югославии, в основном из Белграда. Все они теперь были в Сербской юрисдикции, но пришли в эту юрисдикцию только перед самым отъездом митрополита Анастасия. На этом основании от них требовалось покаяние. Все они сидели, понуривши свои головы, явно не очень весело настроенные, и ожидали выхода к ним владыки Сергия. В это время отец Иоанн Сокаль, который остался в Белграде как старший священник и протоиерей собора — Троицкой церкви, пошел к владыке Сергию и долго оставался с ним наедине. Мы не знаем, о чем они тогда говорили. Но отец Иоанн вдруг вышел и сказал: «Отцу Владимиру (как меня тогда называли) и отцу Василию (это был мой тесть, отец Василий Колюбаев¹³, который тоже приехал из своего прихода, а мы оба были тогда на сербских приходах) не нужно приносить покаяние, и они могут быть приняты, поскольку являются активными сербскими священниками. А всем остальным, поскольку они до сегодняшнего дня принадлежали к Русской Зарубежной Церкви и теперь только временно приняты сербами, нужно принести покаяние»¹⁴.

Таково было решение владыки Сергия, которому надо было как-то решить этот вопрос. Он решил его таким образом: всех священников, которые фактически обслуживали сербов, в частности и меня, он не тронул никак. Тех же, кто был связан с политической русской эмиграцией, он мог принять только через покаяние. Это, конечно, было нелегким решением и для него, и для них. Но, тем не менее, как он сказал сербским архиереям, «у меня такие полномочия, и я так должен поступить».

После этого владыка сказал, что ему придется направиться в русскую церковь и освятить ее заново, поскольку она была в расколе с Русской Православной Церковью. Я считал это неправильным и реагировал на это, как на своего рода кощунство.

¹³ Колюбаев Василий (†20.08.1955), протоиерей. Окончил Курскую духовную семинарию, служил в Добровольческой армии, в 1920 г. эмигрировал в Югославию. В 1932 г. принят в юрисдикцию Сербской Церкви. В 1949 г. эмигрировал в Италию, затем жил в США, находясь в юрисдикции РПЦЗ.

¹⁴ В действительности, священник В. Родзянко, хотя и окормлял сербский приход, все же формально находился в юрисдикции митрополита Серафима (Ляде), то есть в Русской Зарубежной Церкви (См.: *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе 1920–1995. М.; Париж: Русский путь, 2007. С.116).

Однако владыка Сергей отнесся чрезвычайно мягко ко мне лично и ко всем тем, кто думал так же, как и я. Затем он принял меня и моего тестя наедине и с нами довольно откровенно говорил. И тут я вдруг увидел в нем на редкость доброго пастыря, который вынужден действовать именно так в сложных политических условиях.

Он мне сказал: «Наша цель сохранить веру нашу православную, сохранить нашу Церковь и здесь, и у вас тут в Югославии и сделать все, что мы можем при тех обстоятельствах, в которых мы сейчас находимся». Когда же я его спросил: «А как сейчас у вас, в России, есть какие-нибудь преследования, трудности?», он ответил: «Да бывают укусы комаров».

Под укусами комаров владыка Сергей подразумевал безответственных людей, которые имеют власть на местах, но не проводят новый курс, занятый советским правительством в отношении Церкви, которой была предоставлена гораздо большая свобода, чем до войны и даже во время войны.

В то же самое время владыка рассказал нам о том, что положение Церкви в данный момент чрезвычайно выигрышное. Владыка сказал: «Мы, епископы, приравнены в некотором отношении к генералам армии, мы по духовной линии, в то время как они, так сказать, в государственно-социальной и военной».

Так или иначе, своим отношением, своим объяснением, своей пастырской и любвеобильной своей настроенностью он и меня, и моего тестя совершенно покори́л. Хотя мы открыто ему сказали, что в политических вопросах мы стоим на другой позиции. Он с этим не спорил и старался нам помочь.

В частности, я ему сказал о том, что сербский владыка, тот, который рукополагал меня во диаконы, принял в свою епархию и затем назначил на сербский приход, где я находился, сам оказался в трудном положении. Я рассказал, что местные власти его арестовали, и он до сих пор находится под арестом¹⁵. Таким образом, наша епархия обезглавлена, нам очень трудно и так далее. Конечно, для владыки Сергия это было совершенно не ново, потому что в России это происходило все время, до самого последнего времени, что только во время войны, когда возникла необходимость новой церковной политики, такого рода явления прекратились.

Владыка, конечно, понял, что в данном случае он может оказать поддержку и помощь Сербской Православной Церкви. Он снесся с советскими властями, находившимися в Белграде, и сказал им об этом. Они, со своей стороны, сказали югославам, чтобы они тоже стеснение Церкви прекратили, так как это сейчас в общих интересах. В результате этого нашего владыку освободили. Таким образом, владыка Сергей фактически оказал такую помощь. Но не только эту.

Когда он узнал про всех совершенно ни в чем не повинных русских людей, которые были в концлагерях в Банате, он их защитил, заступился за них. Они все были освобождены. Впоследствии, когда произошел конфликт между Тито и Сталиным, многие из эмигрантов смогли выехать на Запад, а некоторые, которые этого хотели, выехали на восток и оказались либо в Болгарии, Венгрии и Румынии, либо вернулись, как отец Иоанн Сокаль, в Советский Союз и оказались там, как отец Иоанн, даже на руководящих постах. Такова была роль владыки Сергия в это трудное время, в этих трудных условиях.

¹⁵ Речь идет о епископе Сербской Православной Церкви Иринее (Чириче) (1884–1955).

Мы с ним тогда, после этой встречи, не встречались довольно долгое время, пока все в Восточной Европе не переменялось. Я тоже в конце концов был арестован местными коммунистами за слишком активную свою церковную деятельность, за то, что я не скрывал своих мнений. Был устроен показательный процесс, и, как это было официально сказано в приговоре, меня осудили за недозволенную превышенную нелегальную религиозную пропаганду. Вот так было у нас. За это я получил 8 лет лагеря, но фактически пробыл там только два года, потому что за то время, что я был в тюрьме, Тито и Сталин окончательно поссорились. Тито сумел выйти из-под орбиты Сталина, оказался в орбите западной, хотя, тем не менее, оставался тем, кем он был, то есть коммунистом, и установил свой собственный коммунистический режим в Югославии. Тогда он начал выпускать вот таких, как я, особенно если было какое-нибудь заступничество с другой стороны. И заступничество это было. Архиепископ Кентерберийский, глава Англиканской Церкви, заступился за всех нас и, в частности, за меня, поскольку мое имя было известно в Англии. Я был до войны студентом в Англии, был участником так называемого англо-православного содружества преподобного Сергия Радонежского и британского мученика Албания. У меня было много друзей, у меня были родственники в Англии, которые за меня заступились.

Так мое имя оказалось среди имен, которые были сообщены Югославскому правительству. Меня освободили и посоветовали покинуть Югославию. В то время граница на востоке была уже закрыта, и, даже если бы я захотел, я не смог бы туда выехать. На Запад в это время дорога была открыта и, таким образом, я оказался сначала во Франции, в Париже, где встретился со своими родителями и где прожил некоторое время, а потом переехал в Англию, где продолжал служить в сербской православной церкви св. Саввы в Лондоне до того момента, когда скончалась моя матушка и меня пригласили в Америку стать здесь епископом.

Я так подробно остановился на вот этих событиях в Югославии, потому что этим характеризуется личность владыки Сергия, и дальнейшая его судьба становится более ясной. Это был человек, который, несомненно, был безгранично предан своей православной вере, Церкви и который, если нужно, был готов отдать все за это, что он и сделал впоследствии. В то же самое время он был очень мудрым и очень хорошо разбирался в обстановке и в людях. Он старался максимально использовать эту обстановку для того, чтобы помочь тем, кто невинно страдал.

Следующая наша встреча с ним произошла во время моего участия в Генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей. Это было в 1961 году¹⁶. Владыка Сергей в это время был Астраханским епископом, насколько я помню, и Волгоградским тоже, кажется, был¹⁷. Тогда еще Волгоград назывался Сталинградом, я не совсем уверен. Но я знаю, что владыка Сергей был довольно быстро еще в 1940-е годы переведен из Одессы в Москву¹⁸. Его туда перевели, потому что он

¹⁶ Третья Генеральная ассамблея Всемирного совета церквей (ВПЦ) в Нью-Дели проходила в ноябре-декабре 1961 г. В ходе ассамблеи 20 ноября 1961 г. состоялось торжественное выступление РПЦ в ВСЦ.

¹⁷ В ноябре-декабре 1961 г. владыка Сергей был архиепископом Пермским и Соликамским. Епископом Астраханским и Сталинградским он был в 1954–1959 гг.

¹⁸ Данных о том, что епископ Сергей (Ларин) после перехода из обновленчества когда-либо служил в Московской епархии, не имеется.

выдвинулся своим умом, своим умением, своим знакомством с обстановкой. И вот теперь он ездил за границу и помогал главному управлению Русской Православной Церкви. Я знал о нем, слышал, читал его собственные статьи, которые тогда появлялись в «Журнале Московской Патриархии».

И вот мы встретились на этой Генеральной ассамблее, которая происходила в Индии, в Нью-Дели. Мы с ним встретились как старые знакомые, благодаря нашей встрече в Белграде. Он был очень рад узнать о том, что я после всего, что мне довелось пережить в Югославии, теперь имел возможность служить в Лондоне и приехать на Генеральную ассамблею в качестве официального делегата, наблюдателя от Сербской Церкви.

Тут мы с ним встречались, беседовали, разговаривали. В этих новых условиях, в новой обстановке на совершенно нейтральной почве в Индии, довелось нам очень много и очень откровенно побеседовать и обсудить множество вопросов со всех точек зрения. Это были годы, когда начинались новые преследования Русской Православной Церкви со стороны Хрущева, так называемое «хрущевское гонение». Именно тогда мне выпало на долю начать помогать Русской Православной Церкви.

В это время я работал переводчиком на радио ВВС¹⁹ в Лондоне, к этому времени уже стал делать свои собственные религиозные радиопередачи. Через эти радиопередачи появилась возможность помогать Русской Православной Церкви, потому что советские власти считались с тем, что происходило на Западе и как это отражалось в радиопередачах.

Возможность иногда помочь действительно была. В частности, это было уже позже, нам удалось помочь самому владыке Сергию, когда его начали преследовать и перевели в Сибирь²⁰. Его имя мы цитировали, мы о нем говорили и это, я знаю, ему потом помогло, и его впоследствии вернули назад, в Европейскую Россию. Он даже снова оказался за границей, его опять начали посылать в качестве делегата и представителя в другие места, и он был даже довольно долгое время в Берлине²¹.

А тогда, в Нью-Дели, были очень интересные моменты, иногда даже не без некоторого юмора. Там, на юге Индии, большая, значительная группа местных индусов уже много веков принадлежит к древней христианской Церкви святого Фомы. Церковь была вначале православной, потом оказалась среди так называемых ориентальных дохалкидонских Церквей, то есть тех Церквей, которые не признали Четвертый Вселенский Собор в Халкидоне. С ними у нас установились хорошие отношения, потому что фактически они к нам гораздо ближе, чем какие бы то ни было западные исповедания. Сейчас идут переговоры особой богословской комиссии о полном восстановлении единства между нашими двумя Церквями.

И однажды местные индусы-христиане устроили большую конференцию с православными, используя возможность, что очень много православных делегатов из всех Православных Церквей оказались тогда в Индии на ассамблее.

¹⁹ В России обычно транскрибируется: Би-Би-Си.

²⁰ В действительности, епископ Сергей был Омским и Тюменским с июля 1959 по апрель 1961 г., то есть до поездки в Нью-Дели.

²¹ Архиепископом Берлинским и Среднеевропейским владыка Сергей был с октября 1962 по май 1964 г.

Там у них на юге специально для того, чтобы приветствовать православных гостей из разных стран, собралось около миллиона верующих, и была устроена торжественная процессия, в которой принимали участие слоны, украшенные по их традиции. Так что все было очень красочно и очень интересно. И в это время мы нигде не могли найти владыку Сергия, он куда-то исчез. Когда мы его нашли, он стоял перед слоном и смотрел на него. Потом, улыбнувшись, он обратился к тому, кто к нему пришел, и сказал: «Вот у кого достоинство настоящее, смотрите, как он стоит. Вот у кого нам, архиереям, надо учиться архиерейскому достоинству». Все рассмеялись, и этот штрих открыл особую черту его характера. В этой шутке была маленькая насмешка над самим собой, над нами, архиереями, что мы, дескать, должны быть, как слоны, в своем торжественном выходе.

Потом была еще одна встреча с владыкой, в Лондоне. Он опять приехал во главе одной из церковных делегаций, на этот раз для посещения Англиканской Церкви. Мы встретились с ним, как уже давно знакомые. Это было, насколько я помню, уже либо в конце 60-х, либо в начале 70-х годов, совсем незадолго до его кончины. Он у нас ужинал, и мы вместе провели несколько часов. Он был у нас один, без сопровождающих. Так что только матушка, я и он, мы втроем ужинали и очень-очень откровенно беседовали. Он, конечно, и теперь учитывал обстановку, уже совсем иную, чем раньше. Я в это время уже был известным в России радиоведущим религиозных программ, которые он лично тоже слушал, знал о них. И вот тут он просто обратился ко мне с просьбой помочь: «Помогите сейчас Русской Церкви, скажите, пусть здесь пишут о нас, пусть говорят о нас, пусть защищают нас, потому что сейчас это единственное, что может помочь Русской Православной Церкви». И вот тут получился такой парадокс. Сначала, в Белграде, он мне лично помог и понял тогда мою позицию и помог нашим священникам, нашим верующим и Сербской Церкви. Здесь оказалось как раз противоположное — он оказался в трудном положении, и его Церковь была в трудном положении, а я был в таком состоянии, что я мог ему помочь, благодаря данному мне микрофону.

И мы это сделали. И я знаю, что это принесло свои плоды, которые были очень ощутимы. Сейчас, когда я посетил недавно Россию, это мне все говорили. Я служил там и встречался с людьми. Все, начиная от иерархов и кончая обычными верующими слушателями во всех городах, которые мы посещали во время тысячелетия Крещения Руси, и во всех храмах, всюду были удивительные встречи с людьми, которые благодарили за все, что было сделано для них при помощи радио.

Тут я узнал о кончине владыки Сергия и о том, как она наступила. Владыка Сергей ушел из этого мира таким, каким он и был, — преданным пастырем, преданным служителем Церкви Христовой, никогда от нее не отходившим, несмотря на все трудности и на все препятствия, отдавшим, сколько он мог, своего таланта, своих способностей на служение Церкви, в этих трудных, чрезвычайно трудных условиях. Он оказывал помощь, как мог, всюду, где мог, обычным верующим, простым людям. В то же самое время он помогал Церкви и в более широком масштабе, в своей епархии, среди своего духовенства в России и во время служения за границей.

Не отрицая, впрочем, некоторой оригинальности в бытовом облике нашего этого святителя, приводим ниже несколько известных нам штрихов подобного рода из числа совершенно достоверных.

Следуя матримониальной обновленческой еще традиции (накрепко, по-видимому, в нем утвердившейся), Преосвященный имеет обыкновение очень коротко, совершенно по-светскому, остригать свою шевелюру («под польку») и не отвергать прочих парикмахерских услуг, тщательно, однако, оберегая свою очень жиденькую, несколько «калмыцкую», рыжеватую с небольшой проседью бороду.

На этой почве в один из очередных деловых визитов к Святейшему Патриарху Алексию (Симанскому)²⁵ разыгралась следующая сценка, когда официальная часть была окончена и беседа приняла чисто нейтральный, светский характер.

— Послушайте, Преосвященнейший, — заметил между прочим Патриарх детски-капризным тоном и кисло наморщившись (как он это имел обыкновение иногда делать, желая выразить свое некоторое неудовольствие), — ну, зачем вы так коротко всегда обстригаете себе волосы; это же, в митре, некрасиво, надо, ведь, чтобы немножко... — и он пальцами правой руки пошевелил у себя за ухом.

Преосвященный поспешил заверить Первосвятителя, что у него очень скверные волосы и они постоянно секутся; это и вынуждает его постоянно остригать их.

Патриарх не сдавался и продолжал брезгливо морщиться:

— Нет, нет, это — нехорошо... Я вам не советую...

Тогда Преосвященный, считающий себя опытным стратегом, сразу же перешел в наступление:

— Но позволю себе доложить вам, Ваше Святейшество, что, зато, у меня борода... девственная!

— М-да... гм...

Беседа прервалась, ибо общеизвестно, что к Святейшему Патриарху чуть ли не каждое утро является цирюльник охорашивать не без помощи ножниц его холеную, совершенно барскую, аристократическую бороду.

Рассказывая кому-либо, впоследствии, об этом эпизоде, Преосвященный имел обыкновение, в качестве концовки, резюмировать:

— Нет! Что это за наглость, указывать *мне*²⁶ (!), как мне содержать свою прическу! Или, таким образом, *он* (!) воображает, что этим выполняет предназначения Собора 1917-го года, где одним из пунктов статуса о патриаршем управлении было предусмотрено, что Патриарх преподает (в потребных случаях) собратиям-епископам «братские советы»?

— Безобразие!..

Преосвященнейший кипятится как самовар; негодованию его, кажется, нет предела...

Второй штришок.

²⁵ Алексей I (Симанский Сергей Владимирович, 1877–1970), Патриарх Московский и всея Руси в 1945–1970 гг.

²⁶ Здесь и далее все выделения в тексте принадлежат автору.

Дело происходит в Астрахани. Собираясь куда-то, в очередную поездку, — Владыка постоянно «вояжирует» — он на ходу обращается к пишущему эти строки и, приняв внушительную позу, говорит патетически и самым серьезным, деловым тоном, помахивая при этом пустым, коричневым чемоданом довольно потрепанного вида, который держит в руке:

— Прошу вас извинить меня за доставляемое беспокойство, досточтимый М[ихаил] Е[фимович], но соблаговолите, тем не менее, обратить ваше просвещенное внимание на следующее обстоятельство. Вот этот, казалось бы, дрянной и дешевенький чемоданчик (всего лишь дерматиновый, как изволите видеть!), и ничего особенного из себя не представляющий, уже десять лет имеет честь сопровождать меня в разного рода поездках...

Десять лет!..

В связи с этим я почел себя вынужденным... счел своим неперменным нравственным, так сказать, долгом оказать ему дань заслуженного им внимания и почтения и в день юбилея (во вторник на Крестопоклонной неделе) возвел его за верную и беспорочную службу в ранг кожаного! Так что — да будет вам это известно — теперь это кожаный чемодан!

Как вам, полагаю, прекрасно известно, я никогда не отступаю от своих принципов и неизменно пользуюсь каждым случаем, чтобы поощрить добродетель или наказать порок...

Если и в дальнейшем он соблаговолит также безупречно прослужить мне следующие десять лет, то, — прошу мне поверить! — (говорю сейчас это «экс кафедра»²⁷) в день двадцатилетнего его юбилея я непременно пожалую ему титул «сафьянового» с выдачей парадного мундира: чехла... ну, скажем, с красными кантами и блестящими пуговицами... и представлю ему пожизненное содержание на покое, за мой счет...

Как вы полагаете?..

И не дожидаясь ответа, Преосвященнейший, озабоченно спохватившись, быстро удаляется в свою спальню — упаковывать вещи или, вернее, командовать ритуалом упаковывания и до последней степени мешать заниматься этим делом своему келейнику, иеродиакону о. Севастиану²⁸.

Последний, нагруженный провиантом и массой различных предметов первой необходимости (в подавляющем своем большинстве совсем бесполезных в дороге), носится из комнаты в комнату...

Работа пошла вовсю, и хватит ее теперь на целый день.

Другой штрих.

Следуя установившейся среди духовного мира традиции, Владыка предпочитает в своих бесконечных поездках пользоваться самолетом: мода!

И, по его понятиям (идушим еще от обновленчества), необходимо быть «прогрессивным» и следовать в ногу с веком. В исключительных же случаях — как отступление от правила — пользуется он иногда услугами и железнодорожного,

²⁷ Ex cathedra (*лат.*) — букв. «с кафедры»; особенно авторитетно, непререкаемо.

²⁸ Севастиан (Макалкин Всеволод Романович, в схиме Иринарх, 1930—24.05.2007), схиархимандрит. В 20 лет принял монашество, а незадолго до кончины — схиму. С 1968 г. по апрель 2007 г. служил в Богоявленской церкви (названной Никола в Замощье) Ярославской епархии.

«архаического», транспорта. В этих случаях, конечно, разъезжает он в спальнях и международных вагонах, якобы, ради престижа своего высокого сана.

— Сам по себе, — поясняет он, — конечно, я вполне могу ездить (и ездил в свое время) не только в жестких, но и в так называемых «стольпинских» (т. е. арестантских) вагонах. Однако согласитесь с тем, что мой высокий сан и положение заслуженного православного архипастыря и «князя Церкви» (любимый титул) требует соответствующей обстановки и комфорта, — посему я вынужден пользоваться этими международными вагонами и салонами... «Ноблесс оближ»²⁹... или как там?... одним словом, «оближ», обязывает... Да-с: положение обязывает. И очень...

В этих случаях, добавим от себя, попутчики, естественно, попадают самые различные. Так, однажды в купе соседом-попутчиком оказался... генерал, который (не к чести его будь сказано), не слишком разбираясь в пономарях и архиереях, увидев рясу и вообще — по современной культурной и демократической терминологии — «попа», начал с того, что первым делом, так сказать, с места — в карьер поспешил объявить своему экзотическому попутчику (хотя, конечно, его никто о том и не спрашивал!), что он «атеист», т. е., попросту говоря, язычник.

При входе в купе, слегка поклонившийся было и пробормотавший какие-то любезности и светскости, Преосвященнейший, осанисто поправив на своей груди сверкающую драгоценными камнями панагию-камею, сейчас же принял этот вызов, крикнул и, подняв значительно брови, произнес, медленно отчеканивая каждое слово с некоторой, впрочем, пренебрежительной и надменной интонацией в голосе:

— Э-э-э... Позволю себе заметить, генерал, что, предпочитая во всем, как говорил еще старик Гораций³⁰, — я не имел (позвольте вас в том заверить!) ни малейшего намерения «дэбатировать» и дискуссировать с вами на религиозно-философские «тэмы» или углубляться в анналы и доктрины теизма и атеизма, а посему — прошу понять — меня совершенно не интересует концепсия вашего крэдо. Да! Или, говоря словами Плиния Младшего³¹...

— Что такое? — несколько испуганно перебивает генерал, чуя какой-то непонятный и потому страшный подвох со стороны этого толстого и спесивого «попа». И довольно беспомощно начинает что-то лепетать.

Тогда, не смогнув глазом, Преосвященнейший невозмутимо и ледяным тоном (он это здорово умеет!) повторяет также отдельно и чеканно, смотря тупо и неодобрительно в глаза собеседнику:

— Позволю себе *вторично* заметить вам, генерал, что меня совершенно и абсолютно не волнуют никакие аспекты концепсии вашего крэдо... Полагаю, что вы меня поняли, генерал, — добавляет Преосвященный, вдруг чрезвычайно любезно расплываясь в улыбке, — я лично, со своей стороны, полагаю, что имею честь беседовать с высококультурным человеком?... — лицемерно заключает он свое выступление, прекрасно видя, что никакой «культурой» от генерала этого не пахнет и отдаленно.

²⁹ Noblesse oblige (*лат.*) — положение обязывает.

³⁰ Гораций (Квинт Гораций Флакк, 65 до н. э.—8 до н. э.) — римский поэт.

³¹ Плиний Младший (ок. 62—ок. 114), римский писатель.

Глаза у генерала начинают быстро бегать в разные стороны, и он, путаясь и запинаясь, скороговоркой поясняет, что «не очень-то разбирается во всех этих вопросах» да и не видит в этом особой надобности. Это все чепуха. А вот важно в наше время то, что он — по происхождению своему шахтер — теперь, ни мало ни много, — генерал Советской Армии, и под его командованием находятся чуть ли не десять тысяч человек. Это — важно, и доставляет ему большое внутреннее удовлетворение...

Но наш Преосвященный и тут не сдастся; выслушав с видом чрезвычайной терпеливости и некоторого снисхождения изъяснявшегося представителя наших вооруженных сил и выдержав — для большего веса — некоторую томительную паузу, он парирует:

— Позвольте вам доложить, мой генерал, что если бы вы были аристократом, как, например, граф Игнатъев³², и служили бы в нашей Советской Армии, или — наоборот — будучи по происхождению шахтером, состояли бы генералом императорской Российской армии, то принужден был бы согласиться с тем, что это гм... гм... было бы, действительно... гм... чрезвычайно... в высшей степени даже оригинально.

А — так... Это совершенно естественно... Я бы даже сказал, банально...

Несчастный генерал бормочет что-то маловразумительное и как-то не очень последовательно скатывается на совершенно неожиданную тему о том, что он едет из какого-то южного санатория, где проводил свой отпуск, и путь ему лежит в район Ленинграда...

В ответ, в качестве некоторой поощрительной меры, Преосвященный благосклонно и веско покашливает.

— Гм... гм...

Он поправляет сбившуюся панагию, передвигая ее строго в центр груди, контролируя привычным взглядом полузакрытых глаз правильность своего глазомера.

Неприметно, хотя и с большими тормозами, беседа постепенно принимает миролюбивый характер, свидетельствующий об установившемся, как никак, *modus vivendi*³³.

В Ленинграде попутчики расстанутся «друзьями», хотя Преосвященный и тут не удерживается и в качестве последней, замаскированной шпильки вручает генералу свою визитную карточку, на которой самым широковещательным образом обозначены все его звания и титулы...

Приведем еще штрих.

³² Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954), граф, генерал. Участник Русско-японской войны. С 1907 г. военный агент в Дании, Швеции и Норвегии; с 1912 г. военный агент во Франции. Генерал-майор с 1917 г. После Октябрьской революции оставался во Франции; в 1925 г. передал советскому правительству находившиеся в его распоряжении российские денежные средства; работал в советском торгпредстве. В 1937 г. вернулся в СССР; преподавал в высших военных учебных заведениях. Генерал-лейтенант Советской армии. Автор воспоминаний: Пятьдесят лет в строю: В 2 т. М.: Художественная литература, 1959.

³³ *Modus vivendi* (лат.) — образ жизни, условия, делающие возможными хотя бы временные нормальные мирные отношения между двумя сторонами.

Так сказать, колоритность общего внешнего облика Преосвященного немало выигрывает от контраста с современным ее окружением. Особенно в гражданской обстановке, на фоне сегодняшнего дня его помпезный и декоративный вид, в неизменной цветной рясе с широчайшими рукавами на атласной подкладке какой-нибудь дикой расцветки и с неизменной драгоценнейшей панагией на груди (иногда еще в придачу с несколькими заграничными орденами!), производит обычно совершенно ошеломляющее впечатление на нашу окружающую «широкую демократию», которая давно уже вычитала в газетах, что под лучами восходящего солнца новой жизни старая, реакционная и насквозь прогнившая от монархических миазмов Церковь рассыпалась в труху, а «попы» вымерли, как динозавры. И это к тому же настолько неинтересное и бесполезное племя, что нет никакой надобности даже в музее хранить их чучело — в назидание потомкам!

Иногда владыка считает нужным сделать некоторые пояснения относительно своей экстравагантной внешности:

— Да будет вам известно, милостивый государь (или сударыня), что я не являюсь поклонником стиля покойного Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского)³⁴ в его неизменной черной шерстяной рясе, не снимавшейся им, как утверждал другой митрополит, Антоний (Храповицкий)³⁵, единственно в знак траура по своей почившей супруге... Я придерживаюсь иных воззрений на внешний облик князя Церкви... Моим идеалом являются блистательные архиереи конца XVIII столетия: феерической и достославной эпохи императрицы Екатерины Великой³⁶. И, конечно, в первую очередь, гениальный митрополит Платон (Левшин)³⁷. Да! И, во всяком случае, не Филарет (Дроздов)³⁸ — этот реакционер и кнутобоец: излюбленный персонаж нашего Святейшего Патриарха Алексия (Симанского). Затем — митрополит Исидор (Никольский)³⁹, наконец — митрополит Палладий (Раев)⁴⁰... а все эти антонии и филареты, это все герои не моего романа!..

Таким образом, крахмальные воротнички и манжеты с полудрагоценными запонками, уже полвека назад сданные повсеместно у нас в архив моды, — неизменно, во всех торжественных и официальных случаях являются составной частью парадного туалета Его Преосвященства. Если же прибавить к сказанному характерную для него важную, надутую и высокопарную речь с предельно-самоуверенной интонацией и изобилующую бесконечными старомодными

³⁴ Антоний (Вадковский Александр Васильевич, 1846–1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский с 1898 г. С 1900 г. первенствующий член Святейшего Синода.

³⁵ О нем см. примеч. 6.

³⁶ Екатерина II Великая (1729–1798), российская императрица с 1782 г.

³⁷ Платон (Левшин Петр Гаврилович, 1737–1812), митрополит. В 1787–1811 гг. митрополит Московский.

³⁸ Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1783–1867), святитель, выдающийся церковный деятель, богослов и проповедник, митрополит Московский и Коломенский в 1821–1867 гг.

³⁹ Исидор (Никольский Иаков Сергеевич, 1799–1892), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский с 1860 г., с 1865 г. именовался Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским. Под его руководством и при непосредственном участии был осуществлен перевод Библии на русский язык.

⁴⁰ Палладий (Раев Павел Иванович, 1827–1898), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский с 1892 г.

оборотами и афоризмами, почерпнутыми у латинских классиков или мудрецов античной Эллады, — некоторое представление о его подчеркнута спесивой и чопорной внешности может быть достигнуто.

Однажды — как известно в кругу близких ему лиц, — облачившись во весь свой «светлейший чин», т. е. шикарную муаровую рясу, высокий клобук с пре-красной креповой наметкой (шелковой, конечно!), украсившись одной из драгоценнейших панагий из своего богатейшего собрания, Преосвященный отправился обозревать сокровища Эрмитажа, прихватив с собою в качестве сопровождающего лакея своего келейника иеродиакона Севастиана (Макалкина), молодого парня с неприличным румянцем на физиономии, постоянно заливающим его девственные ланиты, покрытые едва заметным нежнейшим пушком; длинные волосы каштанового цвета и очки в роговой оправе с чрезвычайно сильными увеличительными стеклами (благодаря чему зрачки становились величиною в пятачок!) придавали особую оригинальность его монашеской фигуре, облаченной в скромную, черную (как и подобает лакею!) рясу...

В Эрмитаже, величественно и медленно переходя из зала в зал, сопровождаемый своим «лакеем», Преосвященный очень скоро собрал вокруг себя огромную толпу изумленных зевак, преимущественно из молодежи и тех (бежавших в свое время от прелестей колхозных пасторалей) представительниц прекрасного пола, в изобилии населивших наши столицы и крупные города, известных под именем «лэди с трудоднями». По мере продвижения Преосвященного толпа эта следовала за ним, возрастая все более и более.

В гуще этих поклонников Прекрасного, ценителей живописи и эстетов то и дело раздавалось:

— Эй! глянь, глянь: поп!..

— Ой?!.. Вот это да!!..

— Нюшка, смотри — попы ходють!..

— Валерка, гляди, какой поп в шапке...

— О-о-о!.. А это кто же: гляди! — недоумевающий взгляд в сторону о. Севастиана.

— Где? Ета?.. Ета — евоная матушка!..

Толпа удовлетворенно ахает, шпигуя бесцеремонными, готтентотскими взглядами обе фигуры в рясах.

— Надо же; и попы в музей приперлись!..

И так далее.

Неизвестно, слышал ли и видел ли Преосвященный, что творилось и говорилось за его спиною, история об этом умалчивает. Во всяком случае, он держал себя так, как бы находясь с о. Севастианом в совершенно пустом зале. Но, по видимому, когда этот «крестный ход» ему надоел, он внезапно принял свои решительные и радикальные меры.

Надо сказать, что, отправляясь обозревать эрмитажные сокровища, Владыка, кроме панагии и некоторых орденов, возложенных на грудь в данном случае — для «представительства», украсил себя еще и золотым лорнетом, болтавшимся на специальном шелковом «шнурке» (не шнурке!)...

В один из моментов, как бы достаточно наглядевшись на какого-то очеред-

ного Корреджио или Веласкеза⁴¹, Его Преосвященство сделал резкий поворот на сто восемьдесят градусов, придал своей физиономии каменно-изумленное выражение и держа в двадцати сантиметрах от глаз золотой лорнет (не забыв оттопырить в сторону мизинец!), внимательно, неодобрительно и строго заглянул по очереди во все разинутые на него рты...

Эффект произошел поразительный. Толпа как-то съжилась, смешалась; рты сами собою позакрывались... Возникло некое движение. Первыми не выдержали этой психологической атаки дети, пионеры... Затем — вышеупомянутые «лэди с трудоднями»... и т. д. Толпа, медленно и опасно озираясь, попятилась назад и довольно быстро рассредоточилась.

Когда противник, в основном, был рассеян, Преосвященный довольно громким голосом и с весьма выразительной интонацией обратился к своему «лакею» со следующей декларацией:

— Поразительный все-таки у нас народ! Можно сказать, на заре, в преддверии уже коммунистического общества... и — такая дикость! Можно подумать, что все они, по крайней мере, с луны свалились!

Как ты полагаешь, Севушка, чем же занимается наше министерство культуры?!..

Отец Севастиан пожал плечами.

— Не понимаешь?.. Да! Я тоже — не понимаю!!..

И, окинув победным взглядом всех этих, свалившихся с луны, Преосвященный величественно перешел в следующий зал.

«Лакей» последовал покорно за ним.

В качестве очередного биографического штриха сообщим следующее.

На неподготовленного собеседника Преосвященный производил нередко прямо-таки потрясающее впечатление своим умом, своими обширными знаниями и неисчерпаемой эрудицией чуть ли ни в любой сфере...

— Смею вас заверить, голубчики, что моего ума на всех вас хватит!... — уверял он неизменно своих домашних, которые, впрочем, втихомолку держались иного взгляда на этот предмет.

И в самом деле: у Владыки не было никакого специального образования (едва ли законченное среднее), хотя во всех анкетах размазано на эту тему очень пространно и витиевато. Но это — «от лукавого». Украшен он и учеными званиями, пока что включая до «магистра богословия» (далее, очевидно, будет и «доктором»), но и это — такого же происхождения... не будем распространяться на эту «пикантную» тему, иначе историкам нечего будет делать...

Секрет ученого обаяния Владыки заключается в трех моментах: прекрасно подвешенном языке, феноменальной памяти и мастерском умении использовать тот огромный запас энциклопедических знаний, который ему удалось почерпнуть из разного рода справочников, лексиконов, словарей, преимущественно историко-богословского характера.

Находчивость, остроумие и замечательная врожденная способность не теряться ни при каких обстоятельствах — составляют ценнейшие подспорья в арсенале его внутренней сокровищницы.

⁴¹ Корреджио Антонио (1494–1534), итальянский художник; Веласкез (Веласкес Родригес де Сильва; 1599–1660), испанский художник.

Проведя юность свою среди архиереев старой формации (вроде Вениамина Муратовского, Серафима Руженцова⁴² и подобных), Преосвященный в совершенстве усвоил от них все внешние признаки величавости и сановитости, свойственные «князю Церкви», о которых теперешний епископат Русской Церкви и понятия не имеет.

Как истый гран-сеньер, Его Преосвященство увлекается коллекционированием картин и фарфора, впрочем, совершенно не разбираясь в этих тонких материях. Предметом особенного его увлечения является нумизматика, и, надо сказать, он обладает весьма обширной коллекцией древних монет, медалей и иностранных орденов разных стран и эпох, среди которых имеется некоторое количество довольно редких.

Впрочем, в нумизматике он тоже совершенно ничего не понимает, ограничиваясь чисто внешним, барским, собирательством, культивировавшимся дореволюционной русской аристократией и миллионерами-купцами, совершеннейшими дилетантами в этих областях своего увлечения.

Но самой эксцентричной достопримечательностью характера и нрава Его Преосвященства является его воспаленное честолюбие и неоскудевающее стремление видеть всегда и везде свою особу в центре внимания, на пьедестале... Быть фокусом и средоточием всякого общества, среди которого он появился. При этом местничество, церемониальность и всякого рода этикетность неизменно должны являться его антуражем.

Чем больше китайских церемоний — тем лучше! И если никто из окружающих ничего во всем этом не понимает — ничего не значит: получится больше впечатления. И если присутствующий впервые имеет честь получить приглашение к Преосвященному на банкет, раут или интимный ужин, то он, слушая красноречивого и «чрезвычайно эрудированного» хозяина, сидит обычно весь охваченный вниманием и пораженный обилием необыкновенных новых сведений, которые ему впервые в жизни доводится почерпнуть и подобных которым он, без сомнения, больше никогда и нигде не услышит! Умопомрачительное впечатление усугубляется, конечно, еще обилием яств и питий с самыми замысловатыми наименованиями... Изобильная закуска — в самом экзотическом ассортименте...

Словом — призывильная трапеза и для ума и для желудка.

Беседа за столом, разумеется, самая оживленная и интересная. Тосты, спичи и прочие выступления бесконечно чередуются между собой, конечно, в интервалах, когда умолкает Преосвященнейший и ненадолго отвлекается, сосредоточив свое просвещенное внимание на трепангах, оливье с креветками или чем-либо подобном...

После официальных выступлений, относящихся к виновнику торжества или событию, вызвавшему съезд «высоких» гостей, — темы выступлений хозяйина чрезвычайно разнообразны; вниманию гостей предлагаются самые неожиданные сообщения:

краткий доклад-исследование о кончине и месте погребения маршала Моро;

⁴² Архиепери старого поставления, уклонившиеся в обновленческий раскол.

сообщение о полных титулах Тишайшего царя Алексея Михайловича⁴³, Патриарха «всего Руссии» и всех гиперборейских стран, Святейшего Кир Адриана⁴⁴ и Александра Васильевича Суворова⁴⁵, графа Рымникского, Итальянского и пр., и пр., и пр. Причем, приводится справка о всех, полученных им орденах; где, при каких обстоятельствах они надеваются по статуту и т. д.;

справка о всех преждебывших генералиссимусах с их довольно подробными и ядовитыми характеристиками. Если не изменяет память, здесь, кажется, фигурировали имена: герцога Антона-Ульриха Брауншвейгского⁴⁶, премьерера Китая Чан Кай Ши⁴⁷, генерала Жоффра⁴⁸, И. В. Сталина и еще кого-то;

краткая характеристика всех подлостей и пакостей Талейрана⁴⁹ и аналогия его с нашим церковным мерзавцем Феофаном Прокоповичем⁵⁰;

подробное сообщение о шахматных состязаниях, неоднократно происходивших по телефону между Его Святейшеством Патриархом Константинопольским Афинагором⁵¹ и Его Святейшеством Папой Римским Иоанном XXIII (Ронкалли)⁵²;

информация о том, кто из архиереев (включая обновленческих) покончил жизнь самоубийством и кто скончался при загадочных обстоятельствах;

сообщение о том, когда и почему на Руси в старину ездили летом на санях, а зимой — на колесах. Кстати производится обзор всех видов прежнего транспорта, которым пользовалось и пользуется человечество, с характерными особенностями каждого из этих орудий передвижения. Перечисляются: коляска, пролетка, фаэтон, нарты, шарабан, дрожки, карета, ландо, колымага, дровни, кэб, фура, кабриолет, розвальни, арба, телега, дилижанс, катафалк, тарантас, бричка, дормэз, рикша, рыдван, линейка, фургон, экипаж, паланкин, возок и так далее;

исследование генеалогическое о том, кто из архиереев русских состояли между собою в родстве, степень этого родства и пр.;

основательный перечень всех пьяных дебошей в Москве и других местах белого «архимандрита», шизофреника и эротомана Андрея Введенского и его

⁴³ Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г.

⁴⁴ Адриан (Андрей; 1627–1700), десятый Патриарх Всероссийский с 1690 г.

⁴⁵ Суворов Александр Васильевич (1730–1880), граф Рымникский с 1879 г., граф Итальянский с 1799 г., полководец, генералиссимус с 1799 г.

⁴⁶ Антон Ульрих (1714–1774), герцог Брауншвейг-Беверн-Люнебургский, отец российского императора Ивана VI Антоновича, генералиссимус русских войск в 1740–1741 гг.

⁴⁷ Чан Кай-ши, Цзян Цзе-ши (1887–1975), глава гоминьдановского режима, свергнутого в результате революции в Китае в 1949 г.

⁴⁸ Жоффр Жозеф Жак (1852–1931), маршал Франции с 1916 г. В период Первой мировой войны командовал французской армией.

⁴⁹ Талейран Шарль Морис (1872–1838), один из самых известных дипломатов, мастер дипломатической интриги; беспринципный политик.

⁵⁰ Феофан (Прокопович Елиазар (Елисей); 1681–1736), архиепископ, церковный и политический деятель, писатель и ученый. Верный сподвижник Петра I в реформах Русской Православной Церкви.

⁵¹ Афинагор (Аристоклес Спиру, 1886–1972), 268-й Патриарх Константинопольский с 1948 г.

⁵² Иоанн XXIII (Анжело Джузеппе Ронкалли, 1881–1963), Римский Папа с 1958 г. Взойдя на папский престол, выступал за мир и мирное сосуществование государств с различными социальными системами.

скандалов и драк со своим отцом-«митрополитом-благовестником-апологетом» А. И. Введенским⁵³, включая знаменитое побоище в алтаре Пименовского храма⁵⁴, с воспроизведением всех мельчайших его подробностей и деталей всего хода сражения;

рассказ кулинарный об особенностях приготовления некоторых китайских блюд, в частности: рагу из черной собаки; салата из листьев растения фей-хоа и супа из змей с морскими водорослями.

И так далее, в том же духе, без конца...

Если же Преосвященнейший выступает на философскую, богословскую или каноническую темы, то уши слушателей заполняются цитатами и афоризмами из Аристофана, Овидия, Плиния Младшего и Сенеки, Сократа и Марка Аврелия⁵⁵. Или (соответственно темы) Апостола Павла и Златоуста, Оригена и Григория Богослова, аввы Дорофея и Нила Сорского⁵⁶. Наконец, в третьем случае, на головы слушателей изливаются целым потоком примеры и сопоставления из правил Халкидонского и седьмого Никейского Собора, Анкирского и Гангрского, Карфагенского и Неокессарийского и пр., при этом развивается излюбленный (обновленческий) тезис о том, что многое в канонике «не актуально в наши дни» и ждет своей отмены и пересмотра на «вот-вот» собирающемся восьмом Вселенском Соборе, и, конечно, в первую очередь (!) ждут своего разрешения вопросы о брачном епископате и второбрачии священников и подобное.

Словом, как можно, до некоторой степени, судить из вышесказанного, на лукулловских пирах Преосвященнейшего гости не скучали и веселились, как могли...

Кстати, сообщим здесь вкратце, как пишущий эти строки имел однажды «честь и удовольствие» сопутствовать Преосвященному в его поездке из Гродны в Свято-Успенскую Жировицкую обитель, во время которой имела место ночевка в этом же монастыре, в гостеприимных покоях его наместника, радушного и

⁵³ Введенский Александр Иванович (1889–1946), протоиерей, обновленческий «митрополит». Один из инициаторов, руководителей и идеологов обновленческого раскола. В 1923 г. «рукоположен» обновленцами в сан «епископа Крутицкого, викария Московской епархии». Постоянный член обновленческого «Священного Синода». С 1924 г. «митрополит-благовестник». В 1930-х гг. «настоятель» храма Христа Спасителя в Москве. В 1932 г. назначен ректором обновленческой Московской богословской академии. С 1936 г. «настоятель» храма прп. Пимена Великого в Москве. С 1940 г. «заместитель первоиерарха», с 1941 г. «первоиерарх Православной Церкви в СССР». «Воспринял сан Патриарха», повелев посадить себя на антиминс. Вскоре сам отменил свое «патриаршество», оставив за собой лишь титул «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и Православных Церквей в СССР». Скончался вне общения с Православной Церковью.

⁵⁴ Имеется в виду недостойное поведение сына Александра Введенского Андрея Введенского в алтаре храма прп. Пимена Великого.

⁵⁵ Аристофан (ок. 445–ок. 385 до н.э.), древнегреческий поэт. Овидий (Публий Овидий Назон, 43 до н.э.–18 н.э.), римский поэт. Сенека Луций Аней (ок. 4 до н.э.–65 н.э.), римский политический деятель, философ. Сократ (ок. 470–399 до н.э.), древнегреческий философ, Аврелий Марк (121–180), римский император с 161 г.

⁵⁶ Павел († 67), апостол. Иоанн Златоуст († 407), святитель, богослов, архиепископ Константинопольский (397–440). Ориген (ок. 185–253), христианский теолог, философ. Григорий Богослов (329–389), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех вселенских учителей Церкви. Дорофей († ок. 620), преподобный, авва. Нил Сорский († 1508), святой.

любезного о. архимандрита Митрофана (Гутовского; несколько позже принявшего архиерейскую хиротонию и скончавшего свои дни на Куйбышевской кафедре)⁵⁷.

В продолжение всего этого дальнего и долгого пути, под аккомпанемент плавного покачивания архиерейского Мерседес-Бенца, с удовольствием прослушал лекцию Преосвященнейшего хозяина епархии развалившийся на мягких подушках сидения автор этих строк. После критического вступления о безобразиях и хаосе, царящих в пределах Всероссийского Патриархата, в связи с несоответствием титулов епархиальных архиереев с занимаемыми ими кафедрами, а также историческим и административным значением городов с саном восседающих в них епископов (т. е. все то, что в свое время широко практиковалось в обновленчестве) — предлагался неоспоримый тезис о пользе введения административного порядка в этом многоболезненном и застарелом в своей уродливости вопросе. Варьируя еще соборные определения 1917–1918 гг. на эту тему, Преосвященный рекомендовал введение жесткой градации всех епархиальных и викарных кафедр, соответствующее замещение их иерархами в порядке последовательного старшинства хиротоний; введение митрополичьих округов и ограничение раз и навсегда количества белых клобуков в Русской Церкви с упразднением межеумочных «титулярных» митрополитов; ограничение бриллиантовых крестов на клобуки, нумерацию их; раздачу их с сопровождением специального препроводительного патриаршего «рескрипта», в коем обязательно указывается номер данного креста с тем, чтобы по кончине этого архиепископа крест был возвращаем в Патриархию для награждения им другого архиепископа; в случае же, если награжденный архиепископ переводится на митрополичью кафедру, — крест подлежит также возврату, т. к. новому митрополиту препровождается от Патриархии белый клобук с особым, митрополичьим крестом и т. д. Словом, Преосвященный выдвигал давно, конечно, назревшее предложение по вопросу, который и до сего времени остается — по непонятной причине — неразрешенным.

Предлагался целый ряд довольно целесообразных мероприятий и по упорядочению вопроса о комплектовании приходских клиров, согласно раз и навсегда выработанного принципа штатного расписания приходов, вытекающего из их населенности и территориальных границ и пр.

Дошло дело и до необходимости выработки Высшим Церковным Управлением духовной таблицы о рангах с установлением жестких сроков выслуги лет, наградами периодами, пенсионным содержанием и пр.

Все эти вопросы, как видно, очень занимали Преосвященного, и из последовавшего затем горячего обмена мнений пишущий эти строки без особого труда уяснил себе, что по дореволюционной таблице о рангах, например, архи-

⁵⁷ Митрофан (Гутовский Михаил Петрович; 1897–1959), епископ Куйбышевский и Сызранский. Родился на Волыни. В 1945 г. репатриирован из Польши. В том же году был назначен ректором Богословско-пастырских курсов при Жировицком монастыре, с 1947 г. ректор Минской духовной семинарии и заместитель Жировицкого монастыря в сане архимандрита. 5.06.1953 хиротонисан во епископа Бобруйского, викария Минской епархии. С 28.11.1955 епископ Орловский и Брянский. С 31.05.1956 епископ Куйбышевский и Сызранский.

мандрит был равен церемониймейстеру, митрополит — имперскому канцлеру или генерал-фельдмаршалу, псаломщик — старшему феерверкеру или старшине 1-й статьи, или скороходу, а архидиакон или протодиакон — штабс-ротмистру или титулярному советнику и, наконец, иподиакон — зауряд-прапорщику, подхорунжему или камер-лакею...

Таким образом, проведя в машине целый Божий день за этой приятной беседой, мы, незаметным образом проехав Волковыск и Бытень, въехали во врата Свято-Успенской Жировицкой обители, где обрели ночной приют и покой, предварительно неплохо потрапезовав в келии о. Наместника.

Впоследствии, как бы в качестве сувенира об этой поездке и беседе, я получил, в одном из писем, презент от Преосвященнейшего: табель о рангах.

Ограничиваясь на этом приведенными штрихами, характеризующими до некоторой степени Преосвященнейшего как человека, добавим нечто и о его церковных склонностях.

И прежде всего отметим, что администратор он жесткий и отнюдь не гибкий; подчиненные его не любят, но повинуются, зная его «ндрав». Тонкие льстецы и подхалимы при нем живут неплохо, но он их видит и знает всех наперечет, однако не трогает, т. к. любит запах фимиама. Проворовавшихся жуликов и скомпрометировавших себя нарушителей церковной дисциплины карает и преследует жесточайшим образом и т. д.

Благотворительностью и нищелюбием — не отличается.

Выступает с амвона, может быть, и неплохо, в смысле ораторском, но выражается на таком тарабарском языке, что для простого народа остается почти не понятным и церковно-назидательного впечатления на него не производит.

Однажды, в Омске, например, кто-то осмелился высказаться ему по этому поводу; он воспринял это как возмутительное непочтение к своему таланту и сану и долго не мог успокоиться:

— Ведь я же не виноват, что этот плебс, эти варнаки не понимают общепринятых культурных оборотов речи!.. Не буду же я ради них изъясняться в храме Божиим базарными терминами! — Как вы полагаете? — обращается он к собеседнику.

Собеседник с ним, конечно, вполне согласен...

Как особо положительную сторону архипастырской деятельности Преосвященного, справедливости ради, следует указать на его неизменное попечение о церковном богослужебном порядке и, главным образом, пении. Что касается первого из этих аспектов, то в строе богослужения интересуется его, в первую очередь, не уставная, а помпезно-ритуальная сторона: ее слаженность, ритmicность, общая срежиссированность и взаимосвязь участвующих в богослужении лиц...

Никакой ляпсус и никакая оплошность здесь совершенно не терпятся!

Промашнувшийся — кто бы он ни был — немедленно слышит грозный окрик, нередко и с прибавлением весьма хлесткого прилагательного.

Особо торжественные богослужения заблаговременно репетируются в пустом соборе, «дверем затворенным» под непосредственным смотрением Его Преосвященства, руководящего с кафедры, где для этой цели ставится ему крес-

ло. Здесь особенно достается на орехи, конечно, о. ключарю, иногда довольно солидному и почтенному протоиерею.

Лихо приходится и дьяконам, особенно за отсутствие ритмичности во время парного каждения. Разучивается эта мизансцена иногда долго и мучительно.

Отцы дьякона с пустыми кадилами с обреченными физиономиями становятся на солее, у Царских врат в трепетном ожидании.

— Пошли! — раздается грозная команда с кафедры, и Преосвященный с четкостью метронома отбивает такт ногою и ладонями.

— Раз-два!.. раз-два!.. раз... отставить!! Снова. Безобразие!

Отцы дьякона возвращаются на исходную позицию.

— Пошли!.. раз-два!.. раз-два!.. раз-два!.. Лучше, но все-таки скверно. Еще раз...

Все начинается снова и так... «дондеже».

Все присутствующие пребывают в предельном напряжении и, по окончании, возвращаются по домам, как из бани.

Ничего не поделаешь: служба! «Владыка любит порядок... спаси его, Господи!» — добавляют наиболее смиренные и благочестивые. Что думают про себя другие — неизвестно.

Соответствующие экзекуции происходят и на хоровых спевках.

Церковное пение является самым «больным местом» Преосвященного и неизменным предметом его ревностных забот и попечения. На всех своих многочисленных кафедрах комплектование архиерейских хоров и приискание соответствующего предъявляемым высоким требованиям регента — являлось первоочередной заботой Его Преосвященства, на которую не жалелись соборные средства и затрачиваемые усилия.

Для характеристики Владыки как любителя и, до некоторой степени, знатока церковного пения приводим ниже репертуар торжественного архиерейского богослужения, состоявшегося в Неделю Православия (9—22.03.1959) в Покровском кафедральном соборе г. Астрахани (в прошлом — приходской храм, довольно величественный и нарядный внутри, но неинтересный в архитектурном отношении), возглавлявшегося самим Астраханским Архипастырем. Владыке сослужил сонм местного городского духовенства и прекрасный местный протоиерей о. Павел Морковкин.

Замечательный — один из первых по качеству в России — архиерейский хор в составе восьмидесяти человек, под управлением регента Сергея Алексеевича Кузнецова, был не только на высоте положения, но и выше всяких похвал.

Левый хор, в количестве тридцати человек, также очень мощный по своим вокальным и техническим данным, в ходе богослужения в потребных случаях соединялся с правым, архиерейским, хором, под единым руководством С. А. Кузнецова. Как собор, так и соборный двор были переполнены молящимися, среди коих, впрочем, как говорили, было немало людей и неверующих, пришедших специально лишь для того, чтобы послушать необыкновенную и редкую музыку, подобную которой нигде, конечно, услышать в наше время нельзя.

Задолго до этого торжественного богослужения репертуар был подобран Преосвященным, обсужден во всех деталях с регентом С. А. Кузнецовым (нема-

лым знатоком своего дела, приглашенным в свое время из Одессы, но, к сожалению, страдавшим «русской болезнью») и тщательно разучивался хором в течение длительного времени, с нередким посещением спевков Его Преосвященством, не стеснявшемся, конечно, делать регенту и певцам свои замечания, если находил это нужным.

В этот день исполнялись следующие произведения:

Литургия:

1. «Хвалите Господа с небес» (встреча) — Чеснокова;
2. «На гору Сион» — Андрусенко;
3. «Свыше пророцы» — Глаголевых;
4. Великая ектеня и 1-й антифон — Гречанинова;
5. 2-й антифон — Гречанинова;
6. «Во царствии» — Гречанинова;
7. «Единородный сыне» — исполняет левый хор.
8. Аллилуарий и проч. — Гречанинова;
9. Сугубая ектеня — Гречанинова;
10. «Херувимская» — Калининкова;
11. Просительная ектеня — Гречанинова;
12. «Отца и сына» — партесное, исполняет левый хор;
13. «Верую» (соло альт) — Гречанинова;
14. «Милость мира» — Гречанинова;
15. О Тебе радуется» — исполняет левый хор;
16. «Отче наш» — с народом;
17. «Хвалите Господа с небес» — Гречанинова;
18. «Кто Бог велий» (двуххорный концерт) — Бортнянского;
19. Конец литургии — Гречанинова.

На молебствии:

20. «Царю небесный» — Грибовича;
21. «Верую» — всенародно, с участием обоих хоров и духовенства;
22. «Вечная память» — Киевская, лаврская;
23. «Вечная память» — Мясникова;
24. «Вечная память» — Шишкина;
25. «Вечная память» — Кубаевского;
26. «Вечная память» — Архангельского;
27. «Во блаженном успении» — по усмотрению регента;
28. «Многолетие» — Кастальского;
29. «Многолетие» — старообрядческое 1-е;
30. «Многолетие» — старообрядческое 2-е;
31. «Многолетие» — Зиновьева;
32. «Многолетие» — Архангельского;
33. «Многолетие» — Скрыпникова;
34. «Многолетие» — Васильева;
35. «Многолетие» — Бортнянского (большое);

36. «Многолетие» — Речкунова (двуххорное).

После молитвы:

37. «Слава в вышних Богу» (двуххорный концерт) — Бортнянского.

Сразу после отпуска молебна: «Аминь» и концерт-догматик.

38. «Всемирную славу» — Веделя и

39. «Исполла» (большое).

На этом «Исполла» и закончим свои краткие заметки о Преосвященнейшем Сергии (Ларине); другие, несомненно, напишут больше.

Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой

Ключевые слова: обновленческий раскол, Русская Православная Церковь, Московская Патриархия, Сербская Православная Церковь, Сербская Патриархия, богослужение, церковное пение.

UNKNOWN DOCUMENTS CONCERNING THE BIOGRAPHY OF ARCHBISHOP SERGIY (LARIN). MEMORIES OF BISHOP BASIL (RODZJANKO) AND GUBONIN M. E.

THE PUBLICATION OF N. KRIVOSHEEVA AND A. KOSTRUKOV

The article contains the memories of bishop Basil (Rodzjanko) and a church historian Gubonin M. E. about archbishop Sergiy (Larin). In spite of the fact that the personality of archbishop Sergiy hasn't become a subject of any concrete investigation his destiny is worthy of certain attention. Being an ambiguous figure, the hierarch, nevertheless, was an outstanding person. His life was related to "the red renovation moment", a diocesan ministry during the time of communistic godlessness and to the work on an arena of church diplomacy.

Keywords: the renovationist split, the Russian Orthodox Church, the Moscow patriarchate, the Serbian Orthodox Church, divine service, church singing.